

Геополитика начинается с исторической правды: борьба с интеллектуальным терроризмом за цивилизацию.

Правда очень трудно дается Человечеству. Её стремятся все время «подкорректировать», «приукрасить», дозировать и даже полностью предать забвению. Проходят столетия - и мы узнаем какие-то ее отдельные стороны. Но и это счастье, что ПРАВДУ мы начинаем все - таки узнавать. Такое знание сродни открытию новых источников саморазвития для каждого человека и для целых народов, что пока понимается далеко не всеми. Людям трудно пока осознавать взаимосвязь между генной структурой человека и реальным историческим самопознанием, хотя и обнаружен ген «веры» и т.п. Главное - эта связь реально существует и проявляется все чаще в самых неожиданных и разнообразных формах, создавая в глобализованном мире качественно новую реальность.

Приведенные ниже глава и выписки еще из двух глав книги «Старая Одесса» Александра Дерибаса – внука Феликса де-Рибаса (брата вице-адмирала Иосифа де-Рибаса), который сумел сохранить в своем сердце культуру великой Испании и, по-видимому, интеллектуально-духовные традиции своих пращуров – Готов («Богов» в переводе с немецкого). Поэтому не случайно Императрица Екатерина часто посещала дом вице-адмирала Иосифа де-Рибаса в Санкт-Петербурге и есть сведения о её сыне от этого европейского аристократа (дворянин Сабир – фамилия Рибас наоборот). Действительно родить сына от потомка Вождей Великих Готов – это большая честь даже для Императрицы (!). Этой культурой дышит каждая строчка сына Великого Народа, который отдает нам все то лучшее, что делает людей Великими Личностями.

Конечно, Александр Дерибас не смог пережить 1937 год в СССР-России, хотя он и не был репрессирован, но умер, когда из тюрьмы принесли окровавленное бельё его сына. Не выдержал пожилой человек, несмотря, даже на готские корни, варварства и дикости по отношению к любимому человеку. Кстати, методы расправы «государственных дикарей» с потомками готов не изменились и в XXI веке (см. Документ 96 www.cic-wsc.org).

Понимал или нет Александр Дерибас истоки побед своей семьи на берегах Черного моря ? Понимал или нет внук Феликса де-Рибаса и правнук дон Микеле Рибас и Бойене основания глубочайшего взаимопонимания казаков-готов и потомков древних

испанских родов, которые издавна гордились своими готскими корнями ? Видимо, понимал и, хотя этого не написал (никогда бы в России такой материал не опубликовали, кстати, боятся и не публикуют его в Украине и сегодня), но обдумывал и говорил друзьям (поэтому «охранники» знали мысли потомственного интеллектуала), что уже для всех «казарменных блюстителей» было намного страшнее любых уголовных преступлений. Ведь это показывало их необоснованные претензии на мировое господство, на руководящую роль в современной цивилизации, показывало их генетическую ущербность, подтверждения которой проявлялись постоянно и слабо камуфлировались (прикрывались) мифом о наследственном всеобщем пьянстве из-за «несовершенства человечества».

Мы сегодня узнаем столько негативной информации, что с трудом обращаемся к истории. Но построить новую Украину – полноправного члена Европейского Сообщества без понимания истории становления культуры в интеллектуальных центрах возрождающегося Европейского государства - невозможно (!).

Поэтому прошу рассматривать этот материал, как вклад фамилии Великих Испанцев, начиная от дон Микеле Рибас и Бойене, а также ирландской аристократической ветви Плюнкертов (мать Иосифа де-Рибаса), и продолжая нашими современниками в Польше, Израиле, Германии, Франции, Швейцарии, Италии, США, Испании, Англии - потомками этих европейских аристократических родов, в трансформационные процессы Восточной Европы – в воссоздание высоко духовной культуры Украины-Готии в интеллектуальном Центре Европы – ОДЕССЕ -Хаджибей-Джинестре-Ордессе.

Александр Васильев-Полянский
9.05.2005 г., Готия-Украина

Де-Рибас, де-Волан, Ришелье и Ланжерон

(стр. 16-26)

Испанец по происхождению, Иосиф де-Рибас перешел из службы в неаполитанских войсках, где он состоял лейтенантом Самнитского полка, на службу России в 1769 году; принимал участие в Чесменском бою; оказал услугу графу Алексею Орлову тем, что привез в Россию молодого, царственного происхождения, графа Бобринского, воспитавшегося первоначально в Лозане; сражался под командою Камескаго в войсках Румянцева в Болгарии, поступил в 1774 году в качестве военного инструктора в Санкт-Петербургский

Шляхетский сухопутный корпус и состоял в нем воспитателем Бобринского.

Во время своего пребывания в Петербурге, де-Рибас, женившись на побочной дочери знатного вельможи и государственного мужа И.И. Бецкого, стал известен Императрице Екатерине, был допускаем на её интимные вечера в Эрмитаже и имел счастье неоднократно видеть Государыню у себя (он жил в корпусе, но его жена, камер-фрейлина Екатерины, оставалась в доме Бецкого).

Здесь в Петербурге в шумной, светской и беспорядочной жизни, де-Рибас находил время заниматься наукой. Как и отец его, управляющий военной канцелярией неаполитанского короля Фердинанда и много поработавший на укрепление Неаполя с моря в защиту от англичан, Иосиф де-Рибас любил инженерное дело. Он составил проект грандиозного моста через Неву, сам построил его огромную модель и, благодаря покровительству Екатерины, был допущен к демонстрации своей работы в Императорской академии наук. После нескольких раз повторенных опытов в присутствии таких светил науки, как Бернули и другие, проект был признан недостаточно разработанным и де-Рибасу было поручено дополнить его. Дальнейшая судьба этого проекта неизвестна.

По выходе из шляхетского корпуса, в начале 1784 года де-Рибас отправился на юг к князю Потемкину, занятому в то время делом устройства Таврического полуострова, Тамани и Прикубанской области и поглощенному заботами об усилении военного русского флота на Черном море. Де-Рибас подал «великолепному князю Тавриды» свой, составленный им в Петербурге, проект реорганизации флота и был принят Потемкиным на службу в русские войска, но не в качестве инженера или моряка, а в качестве кавалериста - командира Мариупольского легкоконного полка (22 мая 1785г.). Три года спустя де-Рибас был возведен в дежурные генералы при Потемкине и в этой должности состоял ровно год, во все время осады Очакова.

Здесь, под Очаковым, де-Рибас с запорожскими казаками участвовал во многих военных подвигах и впервые испытал свои военно-морские способности, приняв на себя командование канонерской лодкой. Здесь же он вошел в дружеские отношения с Суворовым, с которым состоял впоследствии в частой интимной переписке (Письма Суворова к де-Рибасу напечатаны в «Русском Архиве» 1866).

После взятия Очакова в 1788 году, де-Рибас, числясь генерал-майором, состоял в передовом отряде армии генерала Гудовича и, как известно, взял штурмом с этим отрядом крепость Гаджибей 14-го сентября 1789 года. Подвиг этот так понравился Императрице

Екатерине, что она сообщила о нем в своей корреспонденции Гримму и выразила свое удовольствие остававшейся в Петербурге жене де-Рибаса.

Анастасия Ивановна де-Рибас писала своему мужу 1-го октября 1789 года: «Я узнала с бесконечною радостью, мой дорогой друг, что вы имели счастье взять город; это произвело здесь большое впечатление. Государыня говорила мне о вас и о вашей победе, милостиво выражая свое удовольствие. Принц Нассаусский поздравил меня с одержанною вами победою; он поручает мне передать вам его поклон».

Еще раньше, 22-го сентября 1789 г., Суворов поспешил поздравить де-Рибаса в следующих выражениях: «Милостивый государь мой, Осип Михайлович ! С победою вашего превосходительства над Гаджибеем имею честь поздравить. Усердно желаю, побеждая и далее неверных, заслужить лавры. Александр Суворов».

Оставаясь в Хаджибее, де-Рибас занялся проектом извлечения из моря у берегов Очакова затопленных турками военных лодок (ландсонов). Проект его был одобрен Потемкиным. Де-Рибас взялся лично за его осуществление с помощью его неизменных товарищей – запорожцев (потомок готских вождей из Испании не мог не ощутить родства с потомками Готии - Казацкой Сечи – замечание мое А.В.). Вскоре к черноморской гребной флотилии, состоявшей под начальством контр-адмирала Войновича, присоединилось несколько новых, из моря извлеченных, судов, вооруженных турецкими пушками. Флотилия эта перешла в командование де-Рибаса. Любопытно, однако, что он оставался в чине генерал-майора и получил переименование в контр-адмирала три года спустя, в 1792 году.

Много смеялись над судами де-Рибаса, называя их ореховыми скорлупами, пока эта флотилия не совершила тех подвигов, которые удивили не только русских, но и Европу, и привлекли в Россию много знатных иностранных юношей, в числе которых были Ришелье и Ланжерон. Неожиданное и победоносное вторжение русского черноморского флота в Дунай и затем славное участие этого флота во взятии Измаила, было не раз описываемо, но не было обращено достаточно внимания на то любопытное для одесситов обстоятельство, что под стенами знаменитой крепости встретились и сблизились впервые на одном корабле будущие создатели и градоправители Одессы: де-Рибас, де-Волан, Ришелье и Ланжерон.

Позволю себе остановиться подробнее на этом интересном эпизоде. Маркиз де-Кастельно, состоявший вместе с Луи де-Рошешуаром и Стемпковским, чиновником при Герцоге Ришелье в то

время, когда тот был градоначальником Одессы, рассказывает в «Histoire de la Nouvelle Russie» о вторжении де-Рибаса в Дунай следующее:

«После взятия Хаджибея, год спустя, т.е. в 1790 году, де-Рибас воспользовался пребыванием Потемкина в Очакове, предложил князю Таврическому план широкий, но смелый и даже, может быть, дерзкий; князю он пришелся по сердцу; дело шло о проникновении поздней осенью с флотилией в Дунай. Для моряков неопытных, для турок в особенности, это предприятие представлялось бы гигантским. Русские же доказали – и ныне это всеми признано – что Черное море, страшное своими штормами и частыми туманами, не представляет, однако, непреодолимых препятствий для мужества в связи с талантом».

14-го октября 1790 г. черноморская флотилия, под предводительством И. де-Рибаса, матросами на которой были запорожцы, переименованные в черноморские казаки, во главе с неразлучными с де-Рибасом полковниками Чепегою и Головатым, и с десантными войсками из гренадеров, которыми командовал брат де-Рибаса Эммануил, находилось у Хаджибея, а десять дней спустя она была уже у Сулина.

Отсюда, подвиг за подвигом, наводя ужас на турецкие поселения то бомбардировкою, то десантами, истребляя провианты, завоевывая штурмами крепости Тульчу, Исакчу и другие, флотилия все ближе подходила к Измаилу, уничтожила все его прибрежные батареи и защищавшая его с реки турецкие суда, и сделала, таким образом, возможным взятие силой, считавшейся до сего неприступной, крепости.

Потемкин в своем рапорте Екатерине о взятии Измаила аттестует флот де-Рибаса в следующих выражениях: «Посмотрите, Всемилостивейшая Государыня, с милосердием, сродным великой душе Вашей, на беспримерно ревностную службу от всех чинов сухопутных и морских оказанную : это последнее, сверх помянутого штурма, по Дунаю произвести многие успехи, побрали и разгромили крепости, истребили магазины, почти всю многочисленную флотилию, за двести судов простирающуюся, побрали, пожгли, потопили».

Слава о подвигах флота распространилась далеко за пределами России, и много знатных юношей, главным образом из числа эмигрировавших из Франции аристократов, поспешили примчаться на Дунай, чтобы стать в ряды сподвижников де-Рибаса. Еще Измаил не был взят, а уже 14-го ноября 1790 года, по случаю взятия флотилиею крепости Тульчи, генерал князь Репнин (воспользовавшийся впоследствии кавалерийскою атакою де-Рибаса,

чтобы решить победою сражение при Мачине) восторженно писал де-Рибасу (привожу письмо в перевод с французского): «Браво, дорогой генерал; вы широко подвигаетесь с вашей прекрасной флотилией. Тульча ваша и вы, так сказать, у ворот Измаила ! К вам идут, дорогой генерал, как некогда стремились в Афины. Все хотят сражаться под вашими знаменами и если послушать этих юных и доблестных воинов, которые прибыли к нам из-за границы, то они все отправились бы к вам».

В числе тех доблестных юношей, которых привлекла в Россию слава о подвигах черноморского флота, были маркиз де-Мормон, граф Роже-де-Дама, кавалер Россети (отец Александры Осиповны Смирновой, фрейлины известной авторши «Воспоминаний»), полковник французской службы граф де-Ланжерон, офицер австрийской армии принц Шарль-де-Линь, лейтенант драгунов французской королевы герцог де-Фронсак (после смерти своего отца получивший титул герцога де-Ришелье) и голландский инженер Франц де-Волан.

Все эти молодые воины поступили волонтерами во флотилию де-Рибаса и все сражались под его начальством во время знаменитого штурма Измаила.

Представлю самому Ланжерону, в его «Записке о деятельности герцога Ришелье в России», рассказать интересный эпизод, побудивший его отправить на Дунай. Вот его слова: «Русская армия атаковала и взяла Килию; думали, что этим компания окончится. Так и было решено. Но смелость предприятия адмирала де-Рибаса, быстрое покорение Тульчи, потом Исакчи, дали основание думать, что попытка взять Измаил может иметь успехи и ускорить заключение желанного мира. Русский курьер, прибывший в Вену, передал письмо от князя Потемкина австрийскому генералу принцу де-Линю, у сына которого Шарля гостил в то время герцог де-Фронсак (Ришелье) и граф Ланжерон. Этот последний, долженствующий вернуться в Бессарабию (Ланжерон служил в русских войсках с разрешения своего короля), расспросил курьера о положении дел на Дунае и узнал, как окончательное, то, что было еще только в предположении, - о принятом решении штурмовать Измаил. «Услышав эту весть, несколько преждевременную, юный Ришелье обращает свои взоры к своему другу Шарлю де-Линю; де-Линь, в свою очередь, смотрит на Ришелье; они угадывают друг другу; их души были созданы для взаимного понимания. Отправимся туда ! восклицает Ришелье. – Подлец, кто от этого откажется ! отвечает Шарль – и поездка к Ирмаилу была тут же решена» (только настоящее и искреннее мужество так увлекает – замечание мое А.В.).

Через девять дней труднейшего путешествия от Вены до Бендер, путешествия, кстати сказать, описанного самим Ришелье, Ланжерон и де-Линь были уже в лагере Потемкина, откуда они по их просьбе были направлены на Дунай на флотилию де-Рибаса.

Я не буду описывать здесь подробностей штурма Измаила, за который де-Рибас был награжден Георгием 2-й степени, шпагою, осыпанною бриллиантами и имением в 800 душ в Могилевской губернии, а герцог де-Ришелье получили Георгия 4-й степени, но не могу не заметить, что Ришелье сам подробно описал все приготовления к штурму крепости, с полною критикой всех действий русских войск до момента призыва Потемкиным Суворова, и что он повсюду приписывает наиболее усердное участие в этом деле Иосифу де-Рибасу.

Полно драматических подробностей его описание самого штурма и тех кровавых сцен, которые произошли после того, как крепость сдалась.

«На третий день после штурма, рассказывает Ришелье, был отслужен молебен, и все артиллерийские орудия из судов и крепости провозгласили тройным залпом победу русского оружия. Генерал Суворов обедал на борту корабля де-Рибаса и высказал ему много комплиментов, приписывая ему не без основания наибольшую долю чести этого подвига. Не было недостатка в тостах и каждый тост сопровождался залпом корабельных орудий.»

Кроме того, в своей военной реляции Суворов аттестовал де-Рибаса официально, «как принявшего в штурме Измаила самое большое участие, присутствуя везде, где более надобности требовалось, ободряя мужеством подчиненных, взял великое число в плен и представил отнятые у неприятеля сто тридцать знамен». Подвиг де-Рибаса был воспет Байроном в его «Дон-Жуане» и вызвал удивление Пушкина при посещении им вместе с генералом Липранди развалин Измаила.

Молодежь отличилась при этом штурме на славу. Принц Шарль де-Линь был ранен в самом начале сражения. Ришелье проявил чудеса отваги и был контужен. Когда крепость была уже взята, Ришелье увлекся романтическим эпизодом; он сжалился над захваченной русскими солдатами молодой 8-летней турчанкою.

Вот как рассказывает об этом эпизоде граф де-Ланжерон:

«Во время этого кровавого боя молодая девочка восьми лет, богато одетая, бросилась к ногам Ришелье, который с большим трудом защитил её от штыков и пик, преследовавших её даже в его объятиях ... Это прелестное дитя ласкалось к своему избавителю, благодарившему случай, приведший эту несчастную к нему. После взятия бастиона, он вернулся с нею к каменному бастиону, где застал

полковника Эммануила де-Рибаса, брата адмирала, вступившего в переговоры о сдаче 700 турок, запертых в бастионе. Увидев девочку, эти несчастные стали ужасно вопить и просить отдать её им. По отчаянию турок можно было судить о знатности происхождения ребенка. Ришелье отказывался долго возвратить свою пленницу, и решился на это лишь после того, как полковник де-Рибас дал ему слово, что девочка будет отдана ему на следующий день. - Но она осталась у турок».

Не любопытно ли странное историческое совпадение ? На корабле де-Рибаса, под Измаилом, в 1790 году, т.е. за четыре года до основания Одессы, встретились вместе четыре человека, имевшие на судьбу Одессы самое ближайшее влияние: адмирал де-Рибас, основатель Одессы на месте завоеванного им Хаджибея, де-Волян, его непосредственный помощник по составлению плана города и по постройке порта, герцог де-Ришелье, через шесть лет после де-Рибаса принявший градоправительство Одессы и создавший её благосостояние, и граф де-Ланжерон, приемник Ришелье, тоже градоначальник Одессы.

Только в блестящие исторические дни царствования Екатерины могли происходить такие случайности, носящие характер предопределения.

Герцог Ришелье после Измаила еще долго состоять под начальством де-Рибаса и принимал вместе с ним участие в устройстве знаменитой переправы через Дунай у Галаца и, кажется, Мачинском сражении.

Всего в русской армии, в этот первый свой приезд, Ришелье провел 2,5 месяца. Он вернулся в Вене, а затем, после целого ряда событий, рассказ о которых не составляет предмета настоящего очерка, он вернулся в Россию и поступил в армию престарелого Румянцева – Задунайского, в чине подполковника кирассийского св. Георгия полка.

Здесь кстати будет сказать, что Ришелье не был французским эмигрантом. Он поступил на русскую службу с разрешения своего короля Людовика XV, как и граф Ланжерон. Вследствие этого его имущество во Франции не было конфисковано, но он мог возвратиться во Франции, не желая подчиниться ни революционному режиму, ни затем Наполеону.

Своим возвышением в России Ришелье был обязан исключительно Александр 1, отдавшему ему свое высокое расположение еще тогда, когда Ришелье стоял со своим полком в Гатчине, и Александр 1, тогда еще Цесаревич, разделял вместе с Ришелье все вспышки гнева Павла 1 при неудачно исполненных военных эзерсиях.

Однажды гнев Павла 1 обрушился на герцога Ришелье в такой обидной форме, что тот покинул Гатчину и отправился служить в Витебск на самое скудное полковничье жалованье. Но Александр 1 соболезновал ему, и когда взшел на престол, то поспешил призвать к себе Ришелье.

Только личным отношением Государя Александра 1 к Ришелье и можно объяснить те бесчисленные благодеяния, которыми была осыпана Одесса, сначала осчастливленная милостями Екатерины при де-Рибасе, а затем навлекшая на себя немилость Павла.

Александр 1 сумел оценить знатного французского юношу по заслугам, ибо Ришелье был личностью высоко-выдающейся по ясности и благородству мысли, по кристаллической душевной чистоте и по государственному гению.

Труднейшая, черная работа по завоеванию Хаджибея и по основанию Одессы была совершена де-Рибвсом, Герцогу де-Ришелье, бывшему восторженному подчиненному де-Рибаса, довелось закончить и упрочить начатое им дело благосостояния Одессы, а на третьего участника победного пира под Измаилом пала задача продолжать труды своих предшественников. При Ланжероне было учреждено в Одессе давшее так много благ юному городу порто-франко.

Дерибасовский сад (стр. 31)

...

«22-го ноября 1806 года Феликс де-Рибас адресовал герцогу Ришелье нижеследующее письмо:

«Ваше Сиятельство,
Милостивый Государь !

Известно, что Ваше Сиятельство всегда желаете, при доставлении живущим в Одессе существенных выгод, доставить удовольствие.

Я, будучи равно с прочими обязанным Вашему Сиятельству и, в знак того моего чувствования, приемлю смелость покорнейше просить Ваше Сиятельство принять от меня, без зарплаты, на всегда в пользу города сад мой, который при двухэтажном

моем доме, состоит на Греческом форштадте в ХУ кв. под № 694, 695, 690, 689.

Вашего Сиятельства
Милостивый Государь
Всепокорнейший Слуга
Ф. де-Рибасъ».

Принесение столь ценного дара произвело, по-видимому, на герцога отличное впечатление. 25-го того же ноября 1806 года герцог в бумаге за № 907 предложить одесскому строительному комитету «принять сад де-Рибаса в целостное соблюдение», причем поручил комитету «выразить жертвователю от имени герцога и граждан города Одессы должную благодарность и письмо майора де-Рибаса хранить в числе документов, в архиве строительного комитета».

Таким образом, город Одесса, т.е. собственно жители его, получили в вечное пользование для своего удовольствия лучший в центре города сад, первые деревья которого были посажены собственноручно основателем Одессы, Иосифом де-Рибасом, собственником сада Феликсом и герцогом Ришелье. (существует и сегодня, но почти без деревьев – замечание моё А.А.)»

...

Прежние люди, прежние нравы

(стр. 312)

...

«Феликс де-Рибас был самым крупным землевладельцем; на ново приобретенных Россией землях он один из первых завел правильное хозяйство. В его имениях Тузлы, Аджийска, Михайловка и других, кроме хлебного хозяйства, были эксплуатируемы соляные и рыбные промыслы, были сделаны тутовые плантации. На даче его в

Одессе, на Среднем-Фонтане, перешедшей впоследствии к Саламбье и ныне принадлежащей г. Гренбергу, была построена первая на юге России шерстомойка, были обширные виноградники. Но все состояние де-Рибаса, вследствие неурожаев и возникших процессов с казною из-за соли, было под конец его жизни потеряно. Он умер в 1845 году, не оставив своим детям ничего, кроме долгов (вечная в России «тонкая государственная политика» с иностранцами – замечание мое А.В.).

...

3-го апреля 1912 года, появились в одесских газетах некрологические сведения о моем отце Михаиле де-Рибас, по случаю 30-летия со дня его смерти в 1882 году. ...

Преобладающею чертой его характера было бескорыстие. Сильно нуждающийся, он никогда не обращался ни к правительству, ни к городу, и когда некоторые одесские городские головы, Новосельский и Маразли, сами предлагали ему ходатайствовать перед думою о выдаче ему пенсии или пособия, ссылаясь на заслуги его отца, подарившего городу свой сад, он решительно отказывался от этого и говорил: «я не хочу быть capitoлийским гусем».

Кстати о саде. Когда инженер Гренберг предложил городу, лет тридцать пять тому назад, уничтожить этот сад и построить на его месте доходный пассаж, отец мой, возмущенный кощунственным отношением к воле дарителя, собрал совет юристов, чтобы установить свое право на возбуждение иска против города. Юристы решили, что ввиду явного нарушения воли, положенной в основание дара, отец мой, как прямой наследник Ф. Де-Рибаса, имеет все основания для требования судом возврата сада. «Ну хорошо» объявил отец «решено: если только город примет предложение Гренберга, я немедленно возбуждаю иск о возврате мне сада, но с тем, чтобы, тотчас же после выигрыша процесса, подарить этот сад обратно жителям Одессы» (культура, порядочность и интеллигентность наследуются – замечание моё А.В.).

...

Дела отца были плохи. Редактированная им французская газета «Jornal d'Odessa» имела в лучшие годы не более 300 подписчиков. Правда, сотрудники были даровые. О гонораре не было и речи (мы сегодня только повторяем издевательство апробированное в России еще в XIX веке – замечание моё А.В.). А все же трудно было сводить концы с концами. Это не влияло, однако, на интересность газеты, которая была живая и отзывчивая. Вокруг отца и его редакции собиралась вся одесская французская колония. А так как отец умудрялся на свои скудные средства устраивать еще у себя еженедельные семейные вечера, то у нас в доме перебивало все, что

было в Одессе наиболее интересного и значительного из литературного и художественного мира. Ни один приезжий артист, писатель, художник, фокусник, не покидали Одессы, не посетив отцовские журналы.

В особенности любил отец артистов итальянцев.»

...

Испания (Барселона) - Украина-Готия (Одесса)

8.05.2005 г.